

Николай Страхов

И. С. Тургенев Отцы и дети (статья)

Часть сборника

*Статьи о русской литературе
(сборник)*

Николай Николаевич Страхов

И. С. Тургенев Отцы и дети (статья)

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172718

В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев.

Статьи о русской литературе: Эксмо-Пресс; Москва; 2002

ISBN 5-04-009288-1

Аннотация

«Чувствую заранее (да это, вероятно, чувствуют и все, кто у нас нынче пишет), что читатель всего больше будет искать в моей статье поучения, наставления, проповеди. Таково настоящее положение, таково наше душевное настроение, что нас мало интересуют какие-нибудь холодные рассуждения, сухие, строгие анализы, спокойная деятельность мысли и творчества. Чтобы занять и расшевелить нас, нужно нечто более едкое, более острое и режущее. Мы чувствуем некоторое удовлетворение только тогда, когда хоть ненадолго в нас вспыхивает нравственный энтузиазм или закипает негодование и презрение к господствующему злу...»

Н. Н. Страхов

И. С. Тургенев. Отцы и дети
Русский вестник, 1862 г., № 2

Чувствую заранее (да это, вероятно, чувствуют и все, кто у нас нынче пишет), что читатель всего больше будет искать в моей статье поучения, наставления, проповеди. Таково настоящее положение, таково наше душевное настроение, что нас мало интересуют какие-нибудь холодные рассуждения, сухие, строгие анализы, спокойная деятельность мысли и творчества. Чтобы занять и расшевелить нас, нужно нечто более едкое, более острое и режущее. Мы чувствуем некоторое удовлетворение только тогда, когда хоть ненадолго в нас вспыхивает нравственный энтузиазм или закипает негодование и презрение к господствующему злу. Чтобы нас затронуть и поразить, нужно заставить заговорить нашу совесть, нужно коснуться до самых глубоких изгибов нашей души. Иначе мы останемся холодны и равнодушны, как бы ни были велики чудеса ума и таланта. Живее всех других потребностей говорит в нас потребность нравственного обновления и потому потребность обличения, потребность бичевания собственной плоти. К каждому, владеющему словом, мы готовы обратиться с тою речью, которую некогда слышал поэт:

Мы малодушны, мы коварны,

Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки...

.....

Давай нам смелые уроки!

Чтобы убедиться во всей силе этого запроса на проповедь, чтобы видеть, как ясно чувствовалась и выражалась эта потребность, достаточно вспомнить хотя немногие факты. Пушкин, как мы сейчас заметили, слышал это требование. Оно поразило его странным недоумением. «Таинственный певец», как он сам называл себя, то есть певец, для которого была загадкою его собственная судьба, поэт, чувствовавший, что «ему нет отзыва», он встретил требование проповеди как что-то непонятное и никак не мог отнести к нему определенно и правильно. Много раз он обращался своими думами к этому загадочному явлению. Отсюда вышли его полемические стихотворения, несколько неправильные и, так сказать, фальшивящие в поэтическом отношении (большая редкость у Пушкина!), например *Чернь*, или

Не дорого ценю я громкие права.

Отсюда произошло то, что поэт воспевал «мечты невольные», «свободный ум» и приходил иногда к энергическому требованию *свободы* для себя, как для поэта:

Не гнуть ни совести, *ни помыслов*, ни шеи
Вот счастье, вот права!..

Отсюда, наконец, та жалоба, которая так грустно звучит в стихотворениях «Поэту», «Памятник», и то негодование, с которым он писал:

Подите прочь! Какое дело
Поэту мирному до вас?
В разврате каменейте смело,
Не оживит вас лиры глас.

Пушкин умер среди этого разлада, и, может быть, этот разлад немало участвовал в его смерти.

Вспомним потом, что Гоголь не только слышал требование проповеди, но и сам уже был заражен энтузиазмом проповедования. Он решился выступить прямо, открыто, как проповедник в своей «Переписке с друзьями». Когда же он увидел, как страшно ошибся и в тоне и в тексте своей проповеди, он уже ни в чем не мог найти спасения. У него пропал и творческий талант, исчезло мужество и доверие к себе, и он погиб, как будто убитый неудачей в том, что считал главным делом своей жизни.

В то же самое время Белинский находил свою силу в пламенном негодовании на окружающую жизнь. Под конец он стал с некоторым презрением смотреть на свое призвание

критика; он уверял, что рожден публицистом. Справедливо замечают, что в последние годы его критика вдалась в односторонность и потеряла чуткость, которою отличалась прежде. И здесь потребность проповеди помешала спокойному развитию сил.

Как бы то ни было, но только требование урока и поучения как нельзя яснее обнаружилось у нас при появлении нового романа Тургенева. К нему вдруг приступили с лихорадочными и настоятельными вопросами: кого он хвалит, кого осуждает, кто у него образец для подражания, кто предмет презрения и негодования, какой это роман – прогрессивный или ретроградный?

И вот на эту тему поднялись бесчисленные толки. Дело дошло до мелочей, до самых тонких подробностей. Базаров пьет шампанское! Базаров играет в карты! Базаров небрежно одевается! Что это значит, спрашивают в недоумении. *Должно* это, или *не должно*? Каждый решил по-своему, но всякий считал необходимым вывести нравоучение и подписать его под загадочную басню. Решения, однако же, вышли совершенно разногласные. Одни нашли, что «Отцы и дети» есть сатира на молодое поколение, что все симпатии автора на стороне *отцов*. Другие говорят, что осмеяны и опозорены в романе *отцы*, а молодое поколение, напротив, превознесено. Одни находят, что Базаров сам виноват в своих несчастных отношениях к людям, с которыми он встретился; другие утверждают, что, напротив, эти люди виноваты в том, что

Базарову так трудно жить на свете.

Таким образом, если свести все эти разноречивые мнения, то должно прийти к заключению, что в басне или вовсе нет нравоучения, или же, что нравоучение не так легко найти, что оно находится совсем не там, где его ищут. Несмотря на то, роман читается с жадностью и возбуждает такой интерес, какого, смело можно сказать, не возбуждало еще ни одно произведение Тургенева. Вот любопытное явление, которое стоит полного внимания. Роман, по-видимому, явился не вовремя; он как будто не соответствует потребностям общества; он не дает ему того, чего оно ищет. А между тем он производит сильнейшее впечатление. Г. Тургенев во всяком случае может быть доволен. Его *таинственная* цель вполне достигнута. Но мы должны отдать себе отчет в смысле его произведения.

Если роман Тургенева подвергает читателей в недоумение, то это происходит по очень простой причине: он приводит к сознанию то, что еще не было замечено. Главный герой романа есть Базаров; он и составляет теперь яблоко раздора. Базаров есть лицо новое, которого резкие черты мы увидели в первый раз; понятно, что мы задумываемся над ним. Если бы автор вывел нам опять помещиков прежнего времени или другие лица, давно уже нам знакомые, то, конечно, он не подал бы нам никакого повода к изумлению, и все бы дивились разве только верности и мастерству его изображения. Но в настоящем случае дело имеет другой вид. Посто-

янно слышатся даже вопросы: да где же существуют Базаровы? Кто видел Базаровых? Кто из нас Базаров? Наконец, есть ли действительно такие люди, как Базаров?

Разумеется, лучшее доказательство действительности Базарова есть самый роман; Базаров в нем так верен самому себе, так полон, так щедро снабжен плотью и кровью, что назвать его *сочиненным* человеком нет никакой возможности. Но он не есть ходячий тип, всем знакомый и только схваченный художником и выставленный им «на всенародные очи». Базаров во всяком случае есть лицо созданное, а не только воспроизведенное, предугаданное, а не только разоблаченное. Так это должно было быть по самой задаче, которая возбуждала творчество художника. Тургенев, как уже давно известно, есть писатель, усердно следящий за движением русской мысли и русской жизни. Он заинтересован этим движением необыкновенно сильно; не только в «Отцах и детях», но и во всех прежних своих произведениях он постоянно схватывал и изображал отношения между отцами и детьми. Последняя мысль, последняя волна жизни – вот что всего более приковывало его внимание. Он представляет образец писателя, одаренного совершенной подвижностью и вместе глубокою чуткостью, глубокою любовью к современной ему жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.